

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ *PER GENUS PROXIMUM*
ET DIFFERENTIAM SPECIFICAM
И ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК: АРИСТОТЕЛЬ И
АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**

В. В. ОГЛЕЗНЕВ**

Томский государственный университет
ogleznev82@mail.ru

В. А. СУРОВЦЕВ*

Томский государственный университет
surovtsev1964@mail.ru

VITALY OGLEZNEV AND VALERY SUROVTSEV
Tomsk State University, Russia

DEFINITION *PER GENUS PROXIMUM ET DIFFERENTIAM SPECIFICAM* AND LEGAL LANGUAGE:
ARISTOTLE AND ANALYTICAL JURISPRUDENCE

ABSTRACT. The article is concerned with the general characteristics of Aristotle's theory of a genus-differentia definition. The authors examine the validity of the definitions in the framework of legal language and present some objections against the definitions of *per genus proximum et differentia specificam* as they are considered by Aristotle. At the same time, through the objections to the position of genus-differentia definition critics, it is proved that in a number of cases Aristotle's theory is more preferable than the approach offered by Herbert Hart, the proponent of analytical legal philosophy. The argument of Peter Hacker is used to reinstate Aristotle's genus-differentia definitions.

KEYWORDS: Aristotle, *definitio per genus proximum et differentiam specificam*, legal language, analytical jurisprudence.

* Работа выполнена в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

** Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект No. МД-1530.2018.6).

В статье «Определение *per genus proximum et differentiam specificam* и юридический язык» (Оглезнев, Суровцев 2015, 228–240), ранее опубликованной в данном журнале, нами рассматривались проблемы, связанные с определением правовых понятий через род и видовое отличие. В частности, указывалось, что специфика функционирования понятий юридического языка ставит под

сомнение применимость подобной разновидности определений. Определения *per genus proximum et differentiam specificam* со времен Аристотеля через средневековые учебники по логике и вплоть до современной философско-правовой научной литературы, связаны, прежде всего, с тем, что основная задача таких определений заключается в выяснении наиболее общих существенных признаков явления, подпадающего под исследуемый род.

Не претендуя на рассмотрение всей классической традиции, остановимся на некоторых моментах понимания характера родовидовых определений у Аристотеля, которые в дальнейшем и определили саму эту традицию. Теория родовидовых определений тесно связана с аристотелевским эссенциализмом и, в частности, с особой трактовкой им сущности, которая понимается как подлежащее категорического суждения в прямом и изначальном смысле. В «Категориях» Аристотель говорит: «Сущность, называемая так в самом основном, первичном смысле и безусловном смысле, – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь» (*Категории* 2a11, пер. А. В. Кубицкого). Другими словами, первой сущностью, являются реальные вещи, что характеризует позицию Аристотеля как реизм. Реальные вещи, будучи единством материи и формы, первичны также и по бытию, что радикально отличает позицию Аристотеля, например, от позиции Платона. Материя и форма не существуют самостоятельно, но мыслятся как абстракции, первая – как абстракция потенциальности, что характеризует вещь как способную к изменению, а вторая – как абстракция осуществленности, что определяет вещь такой, какая она есть здесь и сейчас. В этом отношении форма выступает как то общее, что связывает между собой предметы одного класса, тогда как материя характеризует особенное. Так, например, Сократ и Платон имеют общую форму, они – люди, но разную материю. В этом отношении форма выражается категорией вида, или второй сущностью, которая также может являться подлежащим категорического суждения, выражающего сущность индивидуальных вещей. Предикатом в данном случае будет выступать категория рода и т. д. Так, Аристотель пишет: «А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, – и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду “человек”, а род для этого вида – “живое существо”. Поэтому о них говорят как о вторых сущностях, например, “человек” и “живое существо»» (*Категории* 2a15, пер. А. В. Кубицкого).

Подобная трактовка сущности в качестве подлежащего категорического суждения более подробно разрабатывается Аристотелем в трактате «Об истолковании», которая лежит в основании классификации атрибутивных

суждений. Здесь совершенно особая роль отводится тем суждениям, где в качестве подлежащего выступают первые сущности. Следует отметить, что Аристотель не обходит стороной и вопрос о тех категорических суждениях, где подлежащим выступают не сущности, а другие категории, вроде качества, количества и т. д. Но этот вопрос выходит за рамки данной статьи. Кроме того, в разработке теории демонстративного доказательства, представленного в «Аналитиках», совершенно особую роль играют категорические суждения с сущностью в качестве подлежащего. Здесь вторые сущности только и рассматриваются в качестве подлежащего категорических суждений, из которых строится силлогизм. Действительно, Аристотель строил свою теорию дедуктивного вывода с учетом того, что в структуру силлогизма входят только общие термины, выражающие сущности второго рода (Лукаевич 2000). Средний термин силлогизма, через который выражается причина, очевидно должен быть связан со второй сущностью. Например, доказывая, что «Сократ смертен» через «Сократ – человек, а все люди смертны», мы связываем предикат смертности с Сократом через средний термин «человек», рассматривая его в качестве причины.

В «Аналитиках», особенно в «Первой аналитике» анализируется формальная структура демонстративного доказательства, безотносительно того, каким содержанием она может быть наполнена. Но когда мы переходим к анализу содержательных рассуждений, возникает серьезный вопрос о характере среднего термина, в частности, о статусе его в качестве причины. Поскольку содержание среднего термина может пониматься по-разному, стало быть, по-разному может пониматься и вторая сущность. По сути дела, это уже выходит за рамки логики и становится логико-эпистемологической проблемой прояснения содержания того, что может быть подлежащим категорических суждений. Вот здесь и возникает вопрос об определении, составляющий значительную часть «Топики». Аристотель пишет: «Определение есть речь, обозначающая суть бытия [вещи]» (*Топика* 102b35; пер. М. И. Иткина). Другими словами, определение – это способ раскрытия сущности вещи, той сущности, которая может участвовать в качестве причины, связывающей части демонстративного доказательства. Что играет наиболее важную роль в понимании определения? «Следует, – говорит Аристотель, – рассмотреть то, что касается рода и собственного. Они ведь элементы того, что относится к определениям» (*Топика* 120b15; пер. М. И. Иткина).

Род и собственный признак в данном случае относятся к тому, что может выступать в качестве предиката (или предикабилии) в категорическом суждении. Собственное определяется следующим образом: «Собственное – это то, что хотя и не выражает сути бытия [вещи], но что присуще только ей и

взаимозаменяемо с ней. Например, собственное для человека – это то, что он способен научиться читать и писать» (*Топика* 102a20; пер. М. И. Иткина). Приписывание подлежащему категорического суждения собственного признака дает аподиктически истинное суждение. Но само по себе это суждение еще не является определением, хотя оно и выражает необходимо присущий признак. Таких признаков может быть много, а тогда и определений было бы множество. Но самое важное заключается в том, что в признаке самом по себе не содержится оснований для квалификации его как собственного. Необходим какой-то критерий, который отделял бы его от случайного (или привходящего) признака.

В этом отношении важное значение приобретает категория рода, который определяется следующим образом: «Род есть то, что сказывается в сути о многих и различных по виду [вещах]. Выражение «сказываться в сути» пусть употребляется применительно к тому, что подходит для ответа на вопрос, что именно есть обсуждаемое, как, например, о человеке, когда спрашивают, что именно есть он, надлежит сказать, что он есть живое существо» (*Топика* 102a30; пер. М. И. Иткина). Род объединяет сходные классы, например, классы различных живых существ. Приписывание подлежащему категорического суждения рода также само по себе не дает спецификации сущности, хотя это суждение и является аподиктически истинным, поскольку слишком широко. Таково, например, суждение «Человек есть животное». Род, однако, важен для квалификации признака, как собственного, поскольку указание на этот признак, позволяет отличить единственный вид от всех других видов, объединенных родом, например, «Человек есть животное, способное научиться читать и писать». Как утверждает Аристотель: «Тот, кто дает определение, должен, установив род, прибавить видовое отличие, ведь прежде всего род, надо полагать, больше всего означает в определении сущность определяемого» (*Топика* 139a25; пер. М. И. Иткина). В данном случае, собственность признака определяется именно тем, что он однозначно специфицирует класс в рамках рода.

А вот это уже и есть определение, т.е. «речь, обозначающая суть бытия [вещи]». Только род в совокупности с собственным признаком может адекватно раскрыть сущность, образуя при этом аподиктически истинное суждение. Таким образом, для Аристотеля определение через род и видовое отличие выступает универсальным средством раскрытия сущности вещи.

Но возникает вопрос, насколько универсален метод родовидовых определений, предложенный Аристотелем и активно использующийся на протяжении многих веков? Не претендуя на рассмотрения всех видов дискурса, остановимся лишь на юридическом языке. На теоретико-правовом уровне в

продуктивности родовидовых определений сомневаться не приходится. Однако, когда мы переходим к практике принятия юридических решений, все оказывается не так просто. Казалось бы, простые на первый взгляд правовые понятия оказываются сложным по содержанию комплексом, во многом основанном на практике их употребления при решении юридических вопросов.

На этот факт впервые обратил внимание И. Бентам, который явно указал, что практика употребления правовых понятий должна учитываться в не меньшей степени, чем их родовидовые определения. Идея Бентама заключалась в том, что смысл правовых понятий нельзя рассматривать обособленно, но только в рамках значения тех утверждений, в которых они употребляются (Bentham 1891, 233). Это интересное замечание Бентама развивает Г. Л. А. Харт применительно к функционированию правовой системы в целом. Его основная идея о бесполезности родовидовых определений как раз и была основной темой нашей предыдущей статьи. Здесь же мы хотим изложить некоторые возражения, как против интерпретации Хартом некоторых идей Бентама, в частности, так и против его радикальной критики полезности в юридическом языке определений *per genus proximum et differentiam specificam*, в целом. Мы постараемся продемонстрировать и обосновать тезис, что против предлагаемого Хартом определения, основанного на условиях истинности, можно выдвинуть, как минимум, два возражения, основанных на логико-семантической и прагматической интерпретации соответствующих частей его определения. Первая группа возражений основана на результатах логико-семантического анализа открытых и закрытых предложений в духе Аристотеля, в то время как вторая группа возражений основана на результатах прагматического анализа вердиктивных речевых актов, в которых, как предполагается, выражается тезис Харта о получении юридического вывода. В качестве примера прагматической интерпретации мы рассмотрим разделяемый нами подход современного аналитического философа П. Хакера. И та, и другая группа возражений, на наш взгляд, демонстрирует, что метод, предложенный Хартом, как минимум, в некоторых отношениях не выдерживает критики. А поскольку этот метод, в свою очередь был основан на отрицании продуктивности родовидовых определений в смысле Аристотеля, то вместе с тем, требует и пересмотра значение и роль таких определений в рамках юридического языка.

Ключевым моментом теории определений Харта является предложение заменить стандартную форму определения новой техникой, которую он назвал «объясняющим прояснением» (*explanatory elucidation*). Казалось бы, очевидность подобной замены не вызывает сомнений: абстрактный харак-

тер правовых понятий доставляет сложности в применении к ним традиционной формы определения и вынуждает рассматривать их в более широком контексте, а не в рамках конкретной речевой ситуации. Харт вслед за Бентамом утверждает, что правовые понятия следует описывать не одной короткой фразой, включающей синонимичные выражения (вроде словарных определений), но тремя или четырьмя предложениями, ибо «юриспруденция должна обеспечить именно более ясный обзор или свод тех особенностей юридических понятий, которые отличают их от обычных, относительно хорошо понятых типов понятий, и четко показать их отличительный способ функционирования» (Харт 2017, 162). Но правильно ли Харт понял идею парафразы Бентама, и корректно ли он ее проинтерпретировал? Отказался ли Бентам от определения правовых понятий через *per genus proximum et differentiam specificam*? И как вообще соотносятся принцип парафразы и контекстуальные определения, которым Бентам придавал особое значение? Ответив на эти вопросы, мы покажем, что «объясняющее прояснение» Харта мало что объясняет и само нуждается в прояснении.

Харт, излагая суть подхода Бентама к определению основных правовых понятий, ссылается на его работу “A Fragment on Government”, в которой, по его мнению, дается экспозиция метода определения Бентама (Hart 1954, 41). Согласно Бентаму «единственным методом для разъяснения слов “обязанность”, “субъективное право”, “вещное право” и других терминов того же рода, в изобилии представленных в этике и юриспруденции, посредством которого может быть передано любое правило», является метод *парафразы* (Bentham 1891, 233). Бентам, как верно отмечает С. Бронзо, в своих работах предлагает несколько описаний этого метода, которые не всегда совпадают (Bronzo 2014, 4, 29), но в целом оно сводится к следующему:

Можно сказать, что слово разъясняется через парафраз, когда не одно это слово переводится в другие слова, но некоторое целостное предложение, частью которого является данное слово, переводится в другое предложение. Слова этого другого предложения становятся ясными или более простыми чем ранее. <...> Короче говоря, это единственный метод, с помощью которого любые абстрактные термины могут быть, в конечном счете, разъяснены для любой разумной цели (Bentham 1891, 233).

Буквально парафраз, по словам Бентама, – это «предоставление одной фразы вместо другой» (Bentham 1843b, 594), причем под фразой он понимает целостное предложение. Но как соотносятся парафраз и определение? Бентам так отвечает на этот вопрос: «*при определении* фраза используется для объяснения отдельного слова, *при парафразе* фраза используется для объяснения целостной фразы» (Bentham 1843a, 126). Однако Харт, заимствуя

идею парафразы Бентама («Мы никогда не должны рассматривать слова, взятые изолированно, но должны рассматривать все предложение целиком, где они играют характерную для себя роль» [Hart 1954, 41]), несколько видоизменяет ее: он говорит о предложениях, а не о фразах. Далее мы увидим, к каким последствиям приводит эта подмена.

Как и Бентам, Харт подвергает сомнению эффективность применения родовидового определения к таким правовым понятиям, как «субъективное право», «ответственность», «государство», в силу того, что они чрезвычайно абстрактны: «правовые понятия совершенно иные; их отношение к фактам намного более сложно, опосредованно и нуждается в прояснении. Обычные методы определения приводят к тому, что в результате они искажаются и мистифицируются» (Харт 2017, 147). Сам Бентам так объясняет эти сложности:

Общий метод определения – метод *per genus et differentiam*, как его называют логики, во многих случаях вообще не будет отвечать указанной цели. Среди абстрактных терминов мы вскоре обнаруживаем такие, которые не имеют *высшего рода*. Ясно, что мы не сможем ничего добиться, применяя к ним определение *per genus et differentiam*, которое следует либо прекратить, либо развернуть его, так сказать, на себя (Bentham 1891, 233).

Иными словами, техника определения через род и видовое отличие может использоваться для прояснения правовых понятий только в ограниченной области, поскольку она не учитывает своеобразия абстрактных терминов, система которых рано или поздно замыкается на саму себя. Она исходит из того, что правовые понятия можно обоснованно изолировать, ориентируясь на их языковое выражение в качестве отдельных слов, которые могут быть более или менее точным образом соотнесены с их аналогами в мире фактов, а затем отделены от других видов того же самого рода. Но это сделать получается не всегда, поскольку юридические выражения не имеют непосредственной связи с аналогами в мире фактов, которая есть у большинства обычных слов, а обычные слова не эквивалентны выражениям, употребляемым в юриспруденции.

Учитывая отмеченные сложности в применении традиционного способа определения, Харт предлагает новую «технику, которая должна предшествовать бесперспективному проекту выяснения того, что означают или подразумевают слова, взятые изолированно, и должна заменить его характеристикой функции, которую осуществляют эти слова, когда они используются в работе правовой системы» (Харт 2017, 147). Харт выделяет четыре отличительных свойства предлагаемого им метода, который следует применять к праву, и показывает, как они ставят под сомнение полезность общепринятого способа определения: «Эти четыре свойства юридического

языка объясняют то, почему определение таких терминов, как “субъективное право”, “обязанность” и “юридическое лицо”, расстраивается отсутствием каких-либо аналогов, которые ‘соответствовали’ бы этим терминам» (Hart 1954, 42). Утверждения, в которых обнаруживаются эти четыре свойства юридического языка были подробно нами рассмотрены ранее (Оглезнев, Суровцев 2015, 234-239). Здесь же мы обратимся к анализу предложенной Хартом техники «объясняющего прояснения» на примере понятия «субъективное право», которая, как предполагается, намного эффективнее традиционного родовидового определения.

Итак, суть его метода заключается в следующем: вместо определения термина необходимо рассмотреть предложение, где соответствующее языковое выражение играет характерную для себя роль и разъясняется, во-первых, посредством спецификации условий, при которых все высказывание истинно, и, во-вторых, посредством того, как данное выражение употребляется для того, чтобы получить заключение на основании правил в конкретном случае. Харт в качестве примера приводит прояснение понятия «субъективное право»:

(1) Высказывание формы «*X* принадлежит субъективное право» истинно, если выполняются следующие условия:

(a) в наличии имеется правовая система;

(b) в соответствии с нормой или нормами этой системы некое иное лицо *Y* в сложившихся обстоятельствах обязано совершить некоторое действие или воздержаться от него;

(c) эта обязанность находится в правовой зависимости от выбора *X* или какого-то иного лица, уполномоченного действовать от его имени, и при этом *Y* обязан совершить некоторое действие или воздержаться от него, только если в этом состоит выбор *X* (или какого-то указанного лица) или, наоборот, пока *X* (или указанное лицо) не выберет обратное;

(2) высказывание формы «*X* принадлежит субъективное право» употребляется для того чтобы получить юридическое заключение в конкретном случае, который подпадает под такие нормы (Hart 1954, 49).

Неудовлетворенность этим методом определения, как нам представляется, основана на двух основных возражениях, каждое из которых направлено против соответствующей его части. Проблема первой части метода Харта («Высказывание формы “*X* принадлежит субъективное право” истинно, если выполняются следующие условия...») заключается в том, что выражение формы «*X* принадлежит субъективное право» является открытым предложением в том смысле, в котором его понимал У. В. О. Куайна (Куайн 2008, 46), т.е. которое не выражает истинное или ложное высказывание, что

предполагается у Харта, поскольку содержит переменную. По сути дела, это выражение является одноместным предикатом, выражающим пропозициональную функцию (Tarski 1944, 352). Открытые предложения вроде « X принадлежит субъективное право» отличаются от закрытых предложений именно тем, что они содержат свободные переменные с неопределенным пробегом значений. Эта неопределенность не позволяет приписать им истинностное значение, в отличие от закрытых предложений, в которых на месте переменных стоят имена или же переменные попадают в область действия какого-либо квантора, который, выполняя функцию обобщенного наименования, устанавливает область пробега переменной. Понятие истинности и ложности относится только к высказываниям, которые выражены закрытыми предложениями. Таковым, например, является закрытое предложение «Смиту принадлежит право требовать определенного поведения от Джонса». Формальная структура закрытых предложений «Смиту принадлежит право требовать определенного поведения от Джонса» и «Смиту принадлежит собака Рекс» (принадлежит в том смысле, что Смит является владельцем (собственником) именно этой собаки) как раз и отличается от открытых предложений вроде « X принадлежит субъективное право» отсутствием свободных переменных.

Рассмотрим теперь выражение вроде « X принадлежит субъективное право» в качестве открытого предложения и сравним его с вариантами приведенных выше закрытых предложений, для преобразования которых использована квантификация с помощью логического закона экзистенциального обобщения:

(1) $\exists x (x \text{ есть собака} \ \& \ \text{Смиту принадлежит } x),$

т. е. существует такой x , который является собакой, и который принадлежит Смиту;

(2) $\exists x (x \text{ есть человек} \ \& \ x \text{ принадлежит собака Рекс})$

т.е. существует такой x , который является человеком, и которому принадлежит Рекс.

Из «Смиту принадлежит собака Рекс» мы можем вывести и (1) и (2), следовательно, «Смиту принадлежит собака Рекс» является закрытым предложением, к которому квантификация может применяться различными способами. И оба способа приводят к закрытым предложениям, выражающим истинное или ложное высказывание.

Совсем не то происходит с выражениями вроде «Смиту принадлежит субъективное право», которое не может быть выражено в форме (1). Если мы говорим о конкретном праве, которое принадлежит Смиту, например,

право требовать определенного поведения от обязанного лица, то из предложения «Смиту принадлежит субъективное право» мы можем вывести *только*

(3) $\exists x$ (x есть человек & x принадлежит право),

но не

(4) $\exists x$ (x есть право & Смиту принадлежит x),

поскольку в предложении «Смиту принадлежит субъективное право» выражение «субъективное право» само является предикатом (а именно, «субъективное право x ») и квантификация в данном случае приводит к смешению порядков переменных. Но смешение порядков является источником логических парадоксов, типа «Парадокса Лжеца» (Рассел 2007, 24). Несмотря на то, что наблюдается некоторое сходство между «Смиту принадлежит собака Рекс» и «Смиту принадлежит субъективное право», тем не менее отождествлять эти высказывания было бы грамматической ошибкой. Выражение «Смиту принадлежит субъективное право» является открытым предложением, поскольку «субъективное право» на самом деле является предикатом формы «субъективное право x » и не может рассматриваться как предмет квантификации того же самого уровня, как и «Смит».

Если мы под предикатом понимаем языковое выражение, обозначающее некоторое свойство (одноместный предикат), то « X принадлежит субъективное право» будет обозначать свойство принадлежности права. То есть оно отсылает к лицам, которым эти права принадлежат. Но для Бентама « X принадлежит субъективное право» является двухместным предикатом (например, «Смиту принадлежит право собственности на Рекса»), поэтому мы не можем из (4) вывести «Смиту принадлежит право». Отношение принадлежности устанавливается между лицом и вещью, а не между лицом и правом.

Похожей позиции придерживается П. Хакер, который считает, что и позиция Бентама, и аргументы Харта против определения *per genus et differentiam* безосновательны: «нет никаких причин считать, что перефразировка определения или определение, основанное на условиях истинности, единственно приспособлены для определения фундаментальных правовых или нормативных понятий» (Hacker 1969, 347). Хакер утверждает, что отказ от родовидового определения преждевременен, а разработанные Бентамом и Хартом техники сами открыты для существенной критики, а потому метод родовидовых определений в стиле Аристотеля рано списывать со счетов. И действительно, если представленные возражения верны, то ничего не остается делать, как вернуться к традиционному методу родовидовых

определений или, во всяком случае, существенно учитывать его роль. Проясняющие определения Харта не работают в целом ряде случаев, где использование метода Аристотеля, учитывающего обращение к более общему роду, отнюдь не лишено основания.

Основной тезис Харта, как мы отметили выше, состоит в том, что бесполезно давать определение правовым понятиям через род и видовое отличие. Традиционная форма определения, по его утверждению, вводит в заблуждение, поскольку предполагает, что то, что на самом деле является отклоняющейся от нормы категорией, так или иначе представляет собой некоторый вид сходства, и, когда применяется к терминам вроде «субъективное право», предполагает, что подобные слова обозначают или описывают определенную вещь, человека, качество, процесс или событие. А это ничего не проясняет, по мнению Хакера, поскольку способ определения, нацеленный на то, чтобы поместить подчиненный вид в рамки известной категории, сам не может прояснить характеристики категории, если она отклоняется от нормы (Hacker 1969, 344).

Хакер выдвигает интересные возражения против второй части «объясняющего прояснения» Харта («Высказывание формы "X принадлежит субъективное право" употребляется для того чтобы получить юридическое заключение в конкретном случае, который подпадает под такие нормы»). Он утверждает, что вторую часть этого определения вообще можно проигнорировать (Hacker 1969, 346-347). Эта точка зрения заслуживает внимания и вот почему. Основная проблема второй части, по мнению Хакера, заключается в том, что утверждение, что понятия, вроде «субъективного права», имеют значение только как часть предложения, функция которого как целого состоит в том, чтобы получить юридическое заключение из особой разновидности правовой нормы, открыто для следующей группы возражений.

Во-первых, несмотря на то, что в этом случае все слова имеют значение только в контексте предложения, нет явной причины отрицать наличия значения у «субъективного права» или «обязанности» вне контекста предложения. Более того, «обязанность» или «субъективное право» могут осмысленно использоваться в многочисленных предложениях, функция которых *не* состоит в том, чтобы получить юридическое заключение. Например, произнося «Делать X не входит в мои обязанности» или «У меня есть право делать Y», я не прихожу к юридическому заключению. Я не делаю юридического вывода, когда утверждаю, что право Смита сделать C, должно быть отменено, или что обязанность Джонса сделать D, должна быть исполнена.

В-вторых, Харт проясняет только предложения формы «X принадлежит субъективное право». Но даже такие предложения необязательно используются для того, чтобы сделать юридическое заключение. Сделать юридический вывод, как считает Хакер, значит осуществить речевой акт, выносящий вердикт, или *вердиктив*. Так, например, Дж. Л. Остин в своей классификации перформативных актов выделяет вердиктивы по признаку вынесения приговора (*verdict*) присяжными, арбитром или рефери, что и заключено в их названии. Но вердикт вовсе не обязан быть окончательным, он может представлять собой, например, оценку, мнение или одобрение. В сущности, мы здесь сталкиваемся с решением относительно чего-то – факта или оценки, – вынести которое с полной уверенностью бывает по разным причинам затруднительно (Остин 1986, 119). Иными словами, вердиктивы состоят в официальном или неофициальном сообщении, основанном на очевидности или размышлении, на суждении об оценке или факте. При этом Остин предостерегал от смешения вердиктивов с экзерситивами: «вердиктив – это судейский акт в отличие от законодательного или исполнительного актов, которые относятся к экзерситивам; некоторые судейские акты, поняты более широко, как произнесенные любыми судьями, а не, к примеру, присяжными заседателями, в действительности являются экзерситивами» (Остин 1986, 121). Дж. Сёрл, например, выступил против выделения вердиктивов в качестве самостоятельных речевых актов, отмечая, что «обычный синтаксис многих вердиктивов и экспозитивов вряд ли подтверждает выделение вердиктивов в отдельный класс» (Сёрл 1986, 190). Поэтому с Хакером следует согласиться в том, что юридическое заключение может быть вердиктивным речевым актом, но только в определенных случаях, в других же оно может быть, например, *аскриптивом*, т.е. речевым актом, «основная функция которого состоит не в *описании* конкретных ситуаций, а в *выражении* правовых требований и в юридической квалификации событий, состояний и действий, придающей природным и социальным явлениям юридическое значение» (Ogleznev 2016).

В-третьих, Харт утверждает, что предложение «А имеет право» является «заключительной частью простого правового вычисления: оно фиксирует результат и вполне может быть названо юридическим заключением» (Hart 1954, 43). Такие заключения могут рассматриваться в качестве силлогистического вывода, большая посылка которого есть соответствующая норма права, а в меньшей посылке утверждается, что А соответствует этой норме. Но *только в этом смысле*, – в том смысле, что сами эти факты входят в условия истинности «А имеет право». Ибо ни одно высказывание *по существу* не является заключением силлогизма. То же самое высказывание

вполне могло бы быть большей посылкой некоторого другого доказательства. Первая часть определения Харта, основанного на условиях истинности, уже определяет, что существование правовой нормы соответствующего вида, которая применяется к *A*, является истинностным условием «*A* имеет право». Следовательно, заключает Хакер, вторая часть определения Харта либо ложна, либо избыточна (Hacker 1969, 347).

Мы не будем выдвигать здесь столь радикальных (и возможно фатальных) аргументов против метода определения Харта, как это делает, например, Хакер. Напротив, наша задача заключалась в том, чтобы показать, что предлагаемая Хартом техника не может считаться универсальной и наиболее приспособленной для определения правовых понятий. Во-первых, видоизменение Хартом парафразы Бентама (Харт использует предложения, а не фразы) приводит к тому, что в его определении используются открытые предложения, вроде «*X* принадлежит субъективное право», которые не выражают истинное или ложное высказывание и содержат свободные переменные с неопределенным пробегом значений. Логико-семантический анализ показал, что квантификация подобного рода открытых предложений приводит к смешению порядков переменных и является источником логических парадоксов. Во-вторых, прагматическая интерпретация предложения «*X* принадлежит субъективное право», используемого в качестве юридического вывода, показывает, и здесь мы солидарны с позицией Хакера, что юридический вывод может быть вердиктивным речевым актом только в определенных случаях, в других же случаях он может быть описанием, предположением, приписыванием, восхищением, желанием и др. Более того, «чрезмерная увлеченность теорией речевых актов», как верно отмечает Хакер (Hacker 1969, 346), приводит к тому, что вторая часть определения Харта становится излишней, и которую спокойно можно проигнорировать. Получается, что родовидовое определение в смысле Аристотеля несмотря на, казалось бы, убедительную аргументацию противников такого подхода, рано списывать со счетов в рамках юридического языка. Что еще более интересно, можно показать, что аргументы сторонников сохранения родовидовых определений в рамках юридического дискурса, находят соответствие аргументам Аристотеля в пользу родовидового определения как наиболее адекватного инструмента раскрытия сущности вещи. Но это превосходит рамки данной статьи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Асмус, В. Ф., ред. (1976) *Аристотель. Сочинения в четырех томах*. Москва. Т. 2.
- Касаткин, С. Н. (2014) *Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта*. Самара.
- Куайн, У. В. О. (2008) *Философия логики*, пер. с англ. В. А. Суровцева. Москва.
- Лукасевич, Я. (2000) *Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики*, пер. с англ. Н. И. Стяжкина и А. А. Субботина, общая редакция П.С. Попова. Биробиджан.
- Оглезнев, В. В., Суровцев, В. А. (2015) «Определение *per genus proximum et differentiam specificam* и юридический язык», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 9, 228–240.
- Остин, Дж. Л. (1986) «Слово как действие», *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XVII, отв. ред. Б. Ю. Городецкий. Москва, 22–130.
- Рассел, Б. (2007) *Введение в математическую философию. Избранные работы*, пер. с англ. В. В. Целищева и В. А. Суровцева. Новосибирск
- Сёрл, Дж. Р. (1986) «Классификация иллокутивных актов», *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XVII, отв. ред. Б. Ю. Городецкий. Москва, 170–194.
- Харт, Г. Л. А. (2017) *Философия и язык права*, пер. с англ. под ред. В. В. Оглезнева и В. А. Суровцева, Москва.
- Bentham, J. (1843a) "Essay on Logic" in *The Works of Jeremy Bentham*, vol. 8. Edinburgh, 213–293.
- Bentham, J. (1843b) "Radical Reform Bill" in *The Works of Jeremy Bentham*, vol. 3. Edinburgh, 558–597.
- Bentham, J. (1891) *A Fragment on Government*. Oxford.
- Bronzo, S. (2014) "Bentham's Contextualism and Its Relation to Analytic Philosophy," *Journal for the History of Analytical Philosophy* 8, 1–41.
- Hacker, P. (1969) "Definition in Jurisprudence," *The Philosophical Quarterly* 19, 343–347.
- Hart, H. L. A. (1954) "Definition and Theory in Jurisprudence," *Law Quarterly Review* 70, 37–60.
- Ogleznev, V. (2016) "Ascriptive Speech Act and Legal Language," *SHS Web of Conferences*, 28 01075, 1–5. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20162801075>
- Tarski, A. (1944) "The Semantic Conception of Truth: and the Foundations of Semantics," *Philosophy and Phenomenological Research* 4, 341–376.